

Две дикие куропатки хлопали крыльями в клетке, а Линь Мудун пытался кормить их сухой травой.

— Повезло неплохо, — сказал Сяо И. — Только поставили ловушку, как явились две глупышки. Ходили вокруг, хвостами покачивали, всё пытались понять, безопасно ли заходить.

Он тогда затаился в траве и даже дыхание сдерживал. Такие дикие птицы были пугливы и настороженны: малейший шорох - и сразу улетят. Но зимой в горах еды было мало, а эти две оказались и смелыми, и глуповатыми, да к тому же изголодались. Стоило им забраться внутрь круга, как Сяо И резко дёрнул верёвку. Птицы захлопали крыльями, закричали и оказались заперты в клетке.

Линь Мудун подсовывал им траву, но те не желали есть.

Сяо И объяснил:

— Эти горные птицы всегда такие. Стоит поймать - начинают голодать. Характер у них такой буйный, что некоторые могут и от злости сдохнуть.

— Сегодня и зарежем, — Сяо И подошёл ближе к Линь Мудуну. — Раз всё равно не едят, держать их незачем. Через пару дней только мясо потеряют.

Линь Мудун сидел на корточках и забавлялся, тыкая птицу соломинкой. Услышав Сяо И, он лишь рассеянно кивнул, явно думая о чём-то своём.

Сумерки становились всё гуще, а Линь Мудун оставался задумчивым и почти не обращал внимания на Сяо И. Он повернулся и пошёл на грядки за крупной китайской капустой. Несколько дней назад они вытопили целый таз свиных шкварок, и Сяо И сказал, что они вкусные. Линь Мудун решил сварить суп из капусты со шкварками и залить им оставшийся с обеда сухой рис.

То, что фулан не разговаривал с ним и вообще почти не замечал, совершенно сбило Сяо И с толку. Он пошёл следом на кухню. Линь Мудун резал овощи, а Сяо И уселся возле очага подбрасывать дрова. Линь Мудун всё время держал голову опущенной и даже за нарезкой овощей о чём-то напряжённо размышлял. Взгляд был растерянный и озадаченный, словно он никак не мог решить мучившую его загадку.

Сяо И становилось всё досаднее. Он с силой переломил полено, с громким треском бросил его в очаг и недовольно нахмурился. Всю злость оставалось вымещать на дровах. Когда фулан его игнорировал, Сяо И буквально не находил себе места.

У разделочной доски Линь Мудун как раз готовился продолжить стряпню, как вдруг сверху легла тень. Сяо И обхватил его голову ладонями и с сердитым видом крепко поцеловал.

— Пойду нарежу птиц, — сухо бросил после поцелуя Сяо И и ушёл, оставив после себя неожиданно одинокую спину.

Линь Мудун вытер уголок губ, и недоумение на его лице стало ещё явственнее. Он вспомнил слова, которые сестрица Сяньюэ сказала ему днём: От одного поцелуя ребёнок не появится.

Тогда как же он появляется?

Днём Линь Мудун пытался расспросить её, но Чэнь Сяньюэ покраснела и наотрез отказалась объяснять. Люди всегда такие: стоит ответу оказаться совсем рядом, но никак не удаётся его получить, как хочется узнать ещё сильнее.

Сестра Сяньюэ сказала, что Сяо И наверняка знает.

Бульканье кипящей воды прервало размышления Линь Мудуна. Сначала он обжарил свиные шварки, чтобы вытопить ароматный жир, потом добавил китайскую капусту, слегка обжарил и залил водой. Если хотелось поострее, можно было добавить в чашку ложку острого масла - запах получался превосходный.

Огонёк масляной лампы покачивался. Втроём они сидели вокруг стола и закончили ужин. Суп с клёцками, политый острым маслом, хорошо согрел. Даже Линь Мудун, который обычно не ел острого, съел больше половины чашки, и губы у него стали красными и блестящими.

За всю эту трапезу они с Сяо И не сказали друг другу ни слова.

После еды Линь Мудун нагрел котёл воды для умывания. Пока он грел ноги, стало скучно, поэтому он достал корзинку с рукоделием и принялся вышивать. На изящном ароматическом мешочке словно живая распустилась веточка османтуса. Осенью они собрали немало цветов османтуса, высушили и сложили в мешок. Теперь можно было набить ими мешочки, добавить немного бодрящих лекарственных трав и носить при себе - и приятно, и красиво.

До Нового года Линь Мудун хотел успеть сделать пять таких мешочков: для Ли-гэра, Чэнь Сяньюэ, Сяо И и бабушки тоже обязательно. Вышивал он хорошо. В молодости бабушка была вышивальщицей в Хэси и передала ему всё своё мастерство. Только теперь, с возрастом, она уже редко вышивала и ткала.

Линь Мудун сидел, склонив голову над работой, но вскоре снова рассеянно замер, вспомнив слова сестры Сяньюэ. Маленькое личико сморщилось от тревожных раздумий, и он даже не заметил, как Сяо И вошёл в комнату.

Что до Сяо И, то весь день фулан почти не обращал на него внимания, и теперь, стоя перед Линь Мудуном, он чувствовал себя крайне неудобно. Немного сердился, но ничего поделать с ним не мог.

— Хватит уже сидеть, вода совсем остыла, — сказал Сяо И, присел перед ним, вынул ноги Линь Мудуна из воды и хотел вытереть их насухо.

Линь Мудун испуганно поджал пальцы ног и попытался отстраниться, дрожа пробормотал:

— Я... я сам.

Для гэра ступни были довольно сокровенной частью тела, к тому же он целыми днями ходил по земле, так что чистыми их не назовёшь. Сяо И впервые прикасался к его ногам, и Линь Мудуну было ужасно неловко.

Сяо И был сильнее и, удерживая его за лодыжки, не позволил вырваться. Он поджал губы, всё недовольство было написано на лице. Молча вытер Линь Мудуну ноги и только потом сердито сказал:

— Ты сегодня опять меня игнорируешь.

Линь Мудун склонил голову набок. С чего он это взял?

— Я с тобой разговаривал... — возразил он.

Сяо И от злости даже не знал, что сказать. Он поднял руку и ущипнул Линь Мудуна за округлившуюся щёку, но сильно сжимать не решился, лишь оставил лёгкий красный след:

— Тогда почему ты весь день витаешь в облаках? Я тебе несколько фраз скажу, а ты только на одну отвечаешь.

На глазах Линь Мудуна от щипка выступила влага, взгляд дрогнул. Так вот из-за чего. Он сжал обеими руками край одежды, не зная, как объяснить.

Сяо И всё ещё держал его за обе ступни. У гэра они были не такими грубыми, как у мужчины: маленькие, обычно спрятанные в обуви, с округлыми розовыми пальцами. Из-за того, что Сяо И держал их в ладонях, пальцы всё время застенчиво поджимались.

Неловкая близость заставляла Линь Мудуна нервничать всё сильнее. Наконец он сердито надул щёки и выпалил:

— Потому что ты меня обманул! Сестра Сяньюэ мне всё рассказала. От одного поцелуя ребёнок не появится. Ты не хочешь ребёнка со мной!

Сначала он рассердился, а потом сразу обиделся.

Линь Мудун думал и думал, но никак не мог понять. Разве мужчины не хотят детей? Отец тоже хотел, да и мать когда-то говорила ему: когда он встретит человека, который будет ему по сердцу, у него тоже появятся дети.

В конце концов Линь Мудун пришёл лишь к одному выводу.

Сяо И его не любит.

Выражение лица Сяо И застыло. Уголок его губ дёрнулся, и он вдруг тихо рассмеялся, так что даже плечи задрожали.

Потом он снова принял серьёзный вид и кивнул:

— Угу, я тебя обманул. Ребёнок появляется не так.

Линь Мудун широко распахнул глаза. Так и знал!

Он отвернулся, не желая больше разговаривать с Сяо И.

Сяо И поднял таз с водой:

— Ты сначала ложись в постель и подожди немного. Я выйду вылью воду.

Ночью над деревней Сяохэ завывал холодный ветер, и лишь маленькая комната была тёплой, словно весной, ярко освещённая огнём. Под одеялом тоже было тепло. Линь Мудун свернулся клубочком и послушно ждал Сяо И.

Вскоре одеяло приподнялось, и внутрь скользнуло высокое, тёплое тело.

Уголки губ Сяо И приподнялись. Он встал, задул свет и сказал:

— Я научу тебя, как завести ребёнка.

Линь Мудун совершенно растерялся. Высокое тело перевернулось и накрыло его сверху, а в темноте отчётливо слышался смех Сяо И.

Линь Мудуна снова поцеловали, только на этот раз всё было совсем не так, как прежде, когда губы лишь легко соприкасались. Поцелуй оказался бурным и настойчивым, так что ему даже стало трудно дышать. Он упёрся ладонями в грудь Сяо И, хотел оттолкнуть его, чтобы перевести дыхание, но руки стали мягкими и совсем лишились сил.

В темноте Линь Мудун широко раскрыл глаза, и взгляд его постепенно затуманился.

.....

Саньхуа скрёб передними лапами дверь. Люди внутри всё никак не вставали, и он без конца жалобно выл. В конце концов ему оставалось только улечься у двери, положить голову на передние лапы и ждать, когда Линь Мудун выйдет поиграть с ним.

Ли Юйфэнь была человеком опытным и не стала тревожить молодых супругов. Она вымыла руки и отправилась на кухню готовить еду. Увидев, что бабушка уже встала, Саньхуа тут же снова оживился и вприпрыжку побежал следом на кухню.

В комнате было темно.

Линь Мудун уже проснулся. Он неподвижно лежал под одеялом, с отсутствующим взглядом, застыв словно деревянный. Сяо И обнимал его во сне. Мужчина, который провозился до глубокой ночи, всё ещё крепко спал, а жар его груди согревал спину Линь Мудуна.

Линь Мудун даже дышать громко не смел.

Услышав, что бабушка уже встала, Линь Мудун попытался пошевелиться, но руки, обнимавшие его за талию, лишь сжались крепче. И только когда он слегка двинулся, то обнаружил, что ноги и поясница ноют от усталости, а на открытых участках шеи и рук рассыпались красные следы, словно цветы сливы.

Так вот, оказывается, как появляются дети. Маленькая голова Линь Мудуна всё никак не могла этого осмыслить. Стоило вспомнить, какие звуки его вынудили издавать прошлой ночью, как становилось ужасно стыдно.

— Проснулся, — в низком голосе Сяо И слышалось явное довольство. Он бодро сел и сказал: — Отдыхай. Сегодня куда выходить не нужно, я принесу тебе еду сюда.

Линь Мудун тут же уткнулся головой в одеяло, не говорил и не двигался, притворяясь крепко спящим. Сяо И улыбнулся и нарочно наклонился, решив подразнить фулана. Он подхватил прядь волос и легонько провёл ею возле уха Линь Мудуна. Но тот упрямо не издал ни звука. От щекотки у уха всё тело задрожало, однако он лишь прикусил губу и крепко зажмурился.

— В эти два дня в Синхуаян будет большая ярмарка. Я схожу куплю кое-какие сельские инструменты. Тебе сейчас больно, так что не ходи. Если захочешь чего-нибудь вкусного, я принесу, — Сяо И перестал его дразнить и сначала сказал о делах. Осенью во время жатвы у них сломались два серпа.

Под одеялом Линь Мудун молча кивнул. А когда Сяо И вышел за дверь, он услышал, как тот

вполголоса напевает какую-то весёлую мелодию.

Зимой, в свободное от полевых работ время, дел было немного, поэтому Линь Мудун снова немного поспал. Только к полудню, когда выглянуло солнце, он оделся и поднялся с постели. Бабушка опять ушла посидеть у соседей. В котле оставались горячая каша и маньтоу, и Линь Мудун немного поел. Пока солнце приятно пригревало, он сел во дворе вышивать ароматические мешочки. Тело всё ещё немного ныло, но по сравнению с утром стало гораздо лучше.

На пять мешочков требовалось немало времени, и узор на каждом был разным. Купленные раньше цветные нитки уже закончились, а среди них были и дорогие золотые с серебряными: один моток стоил двадцать-тридцать вэней. Линь Мудун купил их на собственные деньги, заработанные продажей лекарственных трав, не тронув семейные сбережения.

Дома остался только он один, и от долгой тишины стало немного пусто. Линь Мудун закрепил последние стежки на последнем ароматическом мешочке, поднялся и немного размялся. Щенок рядом развлекал себя сам. Пока не лез в огород и ничего там не портил, Линь Мудун позволял ему играть как угодно. Даже в одиночку Саньхуа умудрялся придумывать себе всякие забавы. То носился по двору с бамбуковым мячиком в зубах, то внезапно бросался на воробьёв на земле. Воробьи были проворнее: тут же вспархивали и улетали, а щенок от досады принимался громко лаять.

— Иди сюда, нельзя бросаться на воробьёв, — с улыбкой позвал Линь Мудун, не позволяя ему обижать маленьких птиц.

Глаза щенка тут же загорелись. Он радостно подбежал, притащил бамбуковый мячик к ногам Линь Мудуна и всем видом показывал, что хочет играть вместе. Хоть и маленький, а сообразительный, да и игривый, как ребёнок.

Линь Мудун бросил мячик подальше, Саньхуа помчался следом, поймал, принёс обратно, и всё началось снова. Так они играли довольно долго. Когда подошло время готовить, Линь Мудун вымыл руки и пошёл на кухню резать овощи.

Вдруг во дворе со скрипом отворились ворота, и слышались знакомые шаги. Спина Линь Мудуна сразу напряглась. Утром Сяо И просто ушёл из дома, и тогда между ними ещё не было такой неловкости. Стоило вспомнить прошлую ночь, как Линь Мудун совершенно перестал понимать, как теперь смотреть ему в глаза. Поэтому он лишь сделал вид, что очень занят нарезкой овощей.

Вдруг Сяо И обнял его сзади. У самого уха раздался тихий смех, а затем он прошептал Линь Мудуну пару слов, не предназначенных для чужих ушей. Линь Мудун крепко сжал край одежды, и всё лицо разом покраснело.

— В первый день Нового года в Синхуаян будет Праздник Фонарей. Я свожу тебя посмотреть. А на обратном пути зайдём к дяде Гэ выбирать поросёнка. Несколько дней назад у свиноматки

родилось десять поросят. Выберем хорошего, будем растить в следующем году, а через год уже не придётся беспокоиться, где брать мясо.

Сяо И больше не стал дразнить фулана, а заговорил о планах и надеждах на следующий год. Вырастить одну свинью, завести несколько кур и уток, а если ещё немного постараться - купить жёлтого вола для пахоты.

— Хорошо, — кивнул Линь Мудун. — Мы с бабушкой будем побольше косить травы и откормим поросёнка толстым-толстым.

Среди смеха под карнизом вдруг закружился снег. Время текло неспешно, и вот в мгновение ока снова наступил Новый год.

<http://bllate.org/book/19002/2059122>